

Александр Житинский

Записки младшего научного сотрудника

*Часть сборника
Эффект Брумма (сборник)*

Младший научный сотрудник Петр Верлухин

Александр Житинский

**Записки младшего
научного сотрудника**

«Геликон Плюс»

1968-1974

Житинский А. Н.

Записки младшего научного сотрудника / А. Н. Житинский —
«Геликон Плюс», 1968-1974 — (Младший научный сотрудник
Петр Верлухин)

«Я потерял пропуск. Пока еще неизвестно – совсем я его потерял или нет. Может быть, он еще найдется. Но дело не в этом. Дело в том, что я не успел к этому событию подготовиться, потому что обнаружил пропажу слишком поздно. А именно – в тот момент, когда повесил на табельную доску свой номерок и сделал шаг к двери, где стояла вахтерша...»

Содержание

Пропуск	5
Гвоздь	6
Характеристика	7
Член общества	8
Дежурство	9
Старик	11
Первенец	12
Правый крайний	14
Культурные ценности	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Житинский

Записки младшего научного сотрудника

Пропуск

Я потерял пропуск.

Пока еще неизвестно – совсем я его потерял или нет. Может быть, он еще найдется. Но дело не в этом.

Дело в том, что я не успел к этому событию подготовиться, потому что обнаружил пропущенную доску слишком поздно. А именно – в тот момент, когда повесил на табельную доску свой номерок и сделал шаг к двери, где стояла вахтерша.

Я сунул два пальца в нагрудный карман и ощутил там непривычную пустоту. Пока я осознавал, что пропуска нет, я успел сделать второй шаг. А расстояние от доски до вахтерши у нас небольшое. Шагов пять. Останавливаться никак нельзя. Потому что задние напирают. Все хотят на работу попасть. Рыться в карманах тоже нельзя. Это подозрительно. Тут, даже если найдешь пропуск, никакого доверия к нему не будет. Начнут изучать печати и доказывать, что на фотографии не ты, а твоя тетя.

Главное в таких случаях – не теряться. Нужно проходить мимо вахтерши не сбавляя темпа. Тогда показывать можно все что угодно: спичечный коробок, вчерашний билет в кино или пять копеек.

Денег у меня не было, это я знал точно. Поэтому, делая третий шаг, я мысль насчет пяти копеек отбросил. На четвертом шаге я понял, что показывать вообще нечего. Даже трамвайного билета не было, потому что я ехал без билета. Дело перед получкой было.

А сзади уже шевеление недовольных. Спина, которая передо мною была, исчезла в двери, и я оказался один на один с вахтершей.

И тут меня осенило. Ловким движеньем, глядя вахтерше прямо в глаза и улыбаясь, я оторвал пуговицу от пальто, вытянул вперед руку с этой самой пуговицей – и прошел мимо вахтерши с гордым видом. Как чемпион Олимпийских игр. Она только успела крикнуть вдогонку:
– Надо в раскрытом виде!

Так, с пуговицей в кулаке, я и пришел в лабораторию. Там я отдышался и порадовался своей победе над обстоятельствами жизни. Такая радость меня распирала, что захотелось поделиться.

Пошел я к дяде Феде, стеклодуву. Он сидит перед стеклом с ужасным своим пламенем и чего-то делает. Я ему все рассказал, а он говорит:

– Э-э! Да я свой пропуск полтора года как потерял. Смотри.

И показывает мне свою рабочую ладонь. А на ней аккуратненько так вытатуирован синий прямоугольник – и на нем название нашего института. Точь-в-точь пропуск.

Теперь я ищу специалиста по татуировке.

Гвоздь

К нам в лабораторию привезли новый прибор иностранного производства. Государство за него заплатило семь тысяч рублей золотом.

Когда его подвезли к институту, выяснилось, что в двери он не проходит. Стали его тае-лажники на третий этаж тянуть через окно. Тянули целый день с уханьем и разными самобыт-ными выражениями. Чуть стену не проломил.

Но, в общем, справились. В самый последний момент только зацепили его за раму и откололи деревянную полированную планочку.

– Слава Богу, – говорят, – что так обошлось! А то на прошлой неделе грузили фрезер-ный станок, так он оборвался с пятого этажа, пробил асфальт и провалился на станцию метро. Хорошо, никого не повредил. Решили его не вытаскивать, а на его основе сделать производ-ственную скульптуру. Для красоты.

Я эту отколотую планочку нашел в траве и хотел прибить. Чтобы промышленная эстетика не страдала.

Поискал в лаборатории гвоздь и не нашел. Пошел в соседнюю. Был, говорят, у нас гвоздь, но в прошлом году забили. Показали даже, куда. На этом гвозде висят соцобязательства.

– Вот если бы тебе, к примеру, трансформатор нужен был, – говорят. – Или электромотор. У нас их девать некуда.

Пошел я в отдел снабжения. Там встретили очень хорошо, с пониманием. Велели писать требование. Я написал и даже чертеж гвоздя приложил с размерами. Через неделю, как и пола-гается, пришла бумага. Оказалось, что лимит гвоздей на полугодие исчерпан. И вообще их на базе нет.

Обратился я к шефам. Они по телефону сказали, что у них гвоздя тоже нет, но обещали попросить у своих шефов.

Еще через месяц получаем мы письмо из нашего подшефного колхоза. С просьбой выслать гвоздь. Я этим письмом очень заинтересовался. Станным мне показалось такое сов-падение. Стал я выяснять, зачем им гвоздь.

Оказывается, они просили гвоздь для своей подшефной школы, которая хотела передать его подшефному депо, откуда он должен был попасть на подшефную фабрику. А эта фабрика и есть наш шеф.

Круг, таким образом, замкнулся.

Я совсем отчаялся и написал зарубежной фирме, которая изготовила прибор. Так, мол, и так. Не пришлете ли в качестве запчасти гвоздь?

Отправил я письмо, а на следующий день пришел дядя Федя паять стеклянные трубки. Я ему все рассказал.

– Дак ты ее приклей, куриная твоя голова! – сказал дядя Федя.

И я планочку приклеил столярным клеем.

А зимой привозят нам новый прибор и вручают письмо от фирмы. Фирма извиняется за неполадки и, согласно гарантии, заменяет нам прибор целиком.

– Я так и думал, что у них с гвоздями тоже нелады, – сказал дядя Федя.

Характеристика

Мне понадобилась характеристика.

То есть не мне. Я себя знаю довольно хорошо. Она понадобилась отделу кадров.

– Мне нужна характеристика, – сказал я шефу. – Отдел кадров хочет знать, что я за человек.

– Глупости! – сказал шеф. – Это никого не интересует. Главное, чтобы все было по форме.

– А где ее взять, эту форму? – спросил я.

– Пойдите, пойдите! – сказал шеф. – У меня был очень неплохой образец характеристики. Я ее сам себе написал лет двадцать назад, когда в аспирантуру поступал.

Стали мы искать. Перерыли всю лабораторию. Нашли осциллограф, списанный три года назад, и чью-то диссертацию. А характеристики не нашли.

– Ну что ж, – сказал шеф. – Придется вам самому писать. Не стесняйтесь, пишите объективно.

Первая фраза далась мне легко. «Верлухин Петр Николаевич, 1941 года рождения, беспартийный, русский, работает младшим научным сотрудником».

Потом я подумал и поменял местами слова «беспартийный» и «русский».

Пока все было объективно.

Помучившись немного, я написал вторую фразу: «На этом поприще он зарекомендовал себя добросовестным и грамотным работником». Но что-то здесь мне не понравилось. Я зачеркнул «на этом поприще» и написал сверху «за это время».

«За какое – это время?» – подумал я, перечитав обе фразы. Пришлось добавить к первой: «с 1965 года».

Дальше я написал так: «Он активно выполняет все поручения, данные ему общественностью. Является членом добровольной народной дружины и, по совместительству, председателем комиссии общественного контроля в буфете».

После короткого раздумья я убрал слова «активно», «все» и «по совместительству».

Последняя фраза, потребовавшая сильного напряжения мысли, порадовала меня своей свежестью и лапидарностью.

Она выглядела так: «В быту устойчив».

Это было достаточно объективно.

В результате получилось следующее: «Верлухин Петр Николаевич, 1941 года рождения, русский, беспартийный, работает младшим научным сотрудником с 1965 года. За это время он зарекомендовал себя добросовестным и грамотным работником. Он выполняет поручения, данные ему общественностью. Является членом добровольной народной дружины и председателем комиссии общественного контроля в буфете. В быту устойчив».

– Порядок, – сказал шеф, подписывая характеристику. – Хотя лично я написал бы в другом стиле.

Через пару дней шеф пришел на работу довольный.

– Все-таки я нашел ту характеристику! – сказал он. – Она у меня была дома. Вот посмотрите, как нужно писать!

Взял я этот пожелтевший листок и прочитал: «Барсов Виктор Игнатьевич, 1920 года рождения, русский, беспартийный, работает младшим научным сотрудником с 1948 года. За это время он зарекомендовал себя добросовестным и грамотным работником. Он выполняет поручения, данные ему общественностью. Является членом добровольной пожарной дружины и председателем комиссии по технике безопасности. В быту устойчив».

Так я понял, что объективность – понятие абсолютное.

Член общества

В конце собрания наш профорг Любочка сказала:

– А еще, товарищи, нам всем нужно вступить в Общество охраны природы и избрать ответственного.

Я около окна сидел и в этот момент как раз смотрел на природу. Вот, думал, теперь мы будем ее охранять. Станет ей совсем хорошо. Скоро она распустится и засияет яркими красками. Птички будут петь. Травка покроет землю мягким ковром.

И так я размечтался, что не успел среагировать на события.

– Верлухина! – слышу, кричат. – Он у нас ничего не несет.

Это была неправда, потому что я уже давно нес бремя забот. Этого только никто не замечал.

– Кто за? – спросила Любочка.

Кроме меня, все были за. В такие минуты ощущаешь железную волю коллектива. Все смотрели на меня и улыбались, будто я выиграл в лотерею. Замечательные все-таки у нас люди!

– А что делать нужно? – спросил я, но все уже выносили стулья.

Через три дня мне сказали, что члены Общества любят родную природу, активно участвуют, имеют право голоса и могут быть избраны. Кроме того, они платят взносы.

Короче говоря, нужно было собрать по шестьдесят копеек.

Я повесил объявление и стал ждать, как охотник в засаде.

Через месяц в кассе общества насчитывалось рубль двадцать копеек. Я прикинул, что такими темпами все станут защитниками природы к двухтысячному году.

А у меня уже лежала пачка новеньких членских билетов. От бездействия они стали засыхать и коробиться, как осенние листья. На них неприятно было смотреть.

Тогда я решил действовать по-другому. Вышел я на лестницу, где все спуют. И тут же навстречу мне дядя Федя. Он мне всегда попадается в решительные моменты жизни. Идет и несет свое ажурное стекло.

– Дядя Федя! – сказал я. – Тебя небось совсем заел урбанизм! Вон какой ты бледный. Как твое стекло. Твоим легким нужен озон. Ты дышишь раскаленными газами, а в это время гибнут миллионы гектаров леса. Их уничтожают гусеницы и туристы. От таких, как ты, дядя Федя, зависит многое. Давай вместе охранять нашу природу и насаждения. Ты получишь членский билет и будешь гордо смотреть в лицо товарищам.

И я положил руку ему на плечо.

– Не трожь меня, – сказал дядя Федя. – Стекло уроню. У меня сегодня самочувствие слабое. Руки дрожат.

– Лес – единственное, что может тебе помочь, – сказал я. – Ты знаешь, как хорошо сейчас в лесу! Подснежники пробиваются, воздух струится, все пробуждается от зимней спячки.

– Не говори! Сейчас брошу к чертям эту арматуру, возьму отгул!

Смотрю я, у человека глаза блестят. Разволновался.

– Дядя Федя, – сказал я. – С тебя шестьдесят копеек. Как с полноправного члена.

Он посмотрел на меня как-то дико сквозь свое стекло и молча ушел. Но мне показалось, что я в его душу что-то заронил.

Отгул дядя Федя взял. На три дня. Через три дня приходит он на работу, крепкий, как Добрыня Никитич, и несет что-то длинное, завернутое в мокрую тряпку. Оказалось, это деревце. Дубок небольшой.

Берет он лопату, роет яму и сажает дубок прямо при входе в институт. И вешает табличку: «Руками не трогать!» Ничего удивительного, отзывчивый человек оказался.

Я ему присвоил звание почетного члена, потому что деньги он так и не дал.

Дежурство

Когда подошла моя очередь дежурить в дружине, я хотел заболеть гриппом. Дежурить в дружине я не очень люблю. Я человек кроткий и вежливый, а таким всегда дают по очкам.

Заболеть гриппом в период эпидемии очень просто. Втянул воздух поглубже – и готов. Но эпидемии как назло не было. Вышло даже хуже эпидемии. Меня назначили старшим в группе.

В семь часов вечера я вошел в штаб дружины. Как выяснилось, весьма кстати. Только что предыдущая группа повела сдавать хулигана. А одного дружинника увезли в больницу, потому что он сломал об этого хулигана палец.

Словом, участок остался без присмотра.

– Выводи своих парней на проспект, – сказал лейтенант, показывая мне схему участка. – Запомни места повышенной нарушаемости. Здесь, здесь и здесь.

Я постарался получше запомнить эти места. Однако никаких моих парней еще не было, они пока не пришли. И неизвестно, когда придут. А нарушаемость ждать не может, она непрерывно происходит на наших глазах.

Лейтенант повязал мне повязку, остальные повязки я спрятал в карман. И пошел прогуливаться.

Прошел мимо магазина, заглянул через стекло в винный отдел. Там клубились жаждущие. Не успел я отойти от магазина, как из соседнего подъезда выходит дядя Федя с телевизором «Вечер» в руках.

– Во! – кричит. – Хорошо ты поспел! Подержи телевизор. Дочь с зятем съезжают на новую квартиру. Сейчас такси придет. Стой здесь, я другие вещи выносить буду.

Стою я с телевизором у дверей магазина. И в повязке. Не успел устать, как из магазина появляются двое в шапках с тесемками. У одного из кармана торчит бутылка. Тот, что без бутылки, его увещевает на всю улицу.

– Ты что же, гад, – орет, – деньги взял, а бутылку не разлил?! Я тебе сейчас рыло буду чистить!

Ну, на самом деле он не так изъяснялся. Тут дается литературный перевод. Он изъяснялся красочнее.

Пока я вникал в суть конфликта, тот, что без бутылки, действительно начал чистить рыло другому. Как и обещал. Публика образовала круг, а один гражданин подошел ко мне и говорит:

– Вот вы, вместо того чтобы стоять здесь, как броненосец «Потемкин», взяли бы и пресекли. Не то ваша повязка, – говорит, – еще больше покраснеет. От стыда.

И пошел себе, понес в кошелочке свинину.

Я не выдержал, пробил телевизором брешь в толпе и вошел в круг.

– Подержи друг, телевизор, – говорю тому, который рыло чистит. – Душа горит, – говорю.

Когда душа горит, все понимают. Поэтому он нехотя, но телевизор взял. Стоит. Тогда второй начинает отыгрываться. Начинает размахивать кулаками перед чужим телевизором. Вот-вот повредит экран.

Тут, к счастью, из подъезда опять вывалился дядя Федя с фикусом и торшером. Я быстро сунул второму фикус, а себе взял торшер. Это получилось как раз вовремя, потому что вдали показался лейтенант. Тот, который мне про нарушаемость толковал. Я поставил торшер на землю и мигом повязал обоим друзьям красные повязки на рукава. И мы втроем встали под фикусом, как на курорте.

Лейтенант нас похвалил:

– Молодцы, – говорит, – ребята! Культура и порядок!

Однако только он отошел, с культурой и порядочком стало хуже. Мои новые дружинники опять стали друг на друга насакивать, пользуясь телевизором и фикусом. Как сойдутся, так звон. И снова толкуют про рыло.

Мне это надоело, потому что однообразно как-никак, и я сказал:

– Когда дежурить-то будем?

Они изумленно посмотрели на свои повязки, и тот, что с бутылкой, говорит:

– Как же мы забыли, что дежурство сегодня?

– А бутылка? – второй спрашивает.

– Придется опосля.

Опосля так опосля. Я спорить не стал. Погрузили мы дядю Федю и пошли дежурить. Между прочим, задержали мою прежнюю дружину, которая опоздала. Они на радостях пошли пиво пить и увлеклись. Мы втроем их пятерых доставили в штаб. Пусть не опаздывают в следующий раз! Мои ребята так старались, что чуть-чуть свою бутылку не разбили. В общем, давно так не дежурили, сказал лейтенант.

Старик

Глядя на нее, я понял, почему на Востоке так много поэтов. Она сидела у окна, склонив голову набок, и грациозно вертела авторучку в маленьких пальчиках. Она была молода. Она была прекрасна. Она поступала в институт.

«Из Алма-Аты, – подумал я. – Или из Ташкента... Роза. Персик. Урюк... Поставлю ей четверку».

Она встала и подошла ко мне с билетом и листком бумаги. Листок был чист, как ее душа.

– Закон Бойля-Мариотта, – доброжелательно сказал я, заглянув в билет. С легким шорохом она подняла ресницы, длинные, как лыжи. Я чуть не задохнулся.

– Его открыл ученый Бойль-Мариотт, – пропела она на своем непостижимом диалекте.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ...» – вспомнилось мне.

– Я вас сильно прошу!.. Я хотела объясниться, – вдруг сказала она.

«Объясниться?» – вздрогнул я и поспешно сказал:

– Переходите ко второму вопросу. Микроскоп.

– Я хотела сказать, чтобы поставить тройку. Мне нельзя получать меньше. Поставить тройку, и я поступлю, – горячо зашептала она, и в голосе ее была настоящая страсть.

«Вот тебе и объясниться!» – подумал я и четко произнес:

– Микроскоп.

– Если я не поступлю, меня выдадут замуж. Насильно. У нас так делают с молодыми девушками.

«Черт-те что! – подумал я. – Какие-то байские пережитки!»

– Может быть, вы ответите на другой билет? – предложил я.

– Зачем другой? Я не прошу пятерку. Неужели вам не жалко судьбы молодой девушки? Меня уведут в дом к старику. Я боюсь его...

«К старику... – размышлял я. – Это меняет дело. В конце концов, если вылетит после сессии, не моя вина».

– Ну что ж, по билету у меня вопросов больше нет, – сказал я, чтобы все услышали.

– У нас никто не спрашивает согласия, – продолжала она. – Меня обручили, когда я ходила в детский сад. Теперь он ждет. Разве это справедливо? Разве вы отдали бы свою дочь гадкому тридцатилетнему старику?

И тут я вспомнил, как ровно неделю назад меня поздравляли друзья. Они говорили, что я совсем еще неплох, что приближаюсь к жизненному пику, что выгляжу максимум на двадцать шесть. Я охотно верил, но на душе было как-то беспокойно, потому что в тот день мне исполнилось тридцать.

Поставил я ей двойку. Вкатил два шара.

Пускай возвращается в Алма-Ату. Или в Ташкент, Самарканд и Бухару. Пускай летит на крыльях любви.

Роза. Персик. Урюк.

Пускай красит последние годы жизни тому тридцатилетнему старцу. Физики она все равно не знает.

Первенец

Когда мы с женой ждали первенца, мы, конечно, были счастливы. Наше счастье омрачалось лишь одним обстоятельством, а именно – полной неясностью относительно даты появления первенца. Естественно, мы знали, что первенец обычно появляется примерно через девять месяцев. Согласитесь, довольно скудная информация. Во-первых, неизвестно, откуда считать. А во-вторых, очень расплывчатый срок. В этом вопросе налицо какая-то недоработка. Сказали бы ясно: в последний вторник девятого месяца, например. Или в первое воскресенье десятого. Не было бы тогда такой трепки нервов.

Последний месяц мы жили, как на иголках. Особенно я. Первенец затаился и, по-видимому, готовил нам крупный сюрприз. Он выбирал наиболее неподходящий момент. Надо сказать, это ему полностью удалось.

Жена растолкала меня в три часа ночи и сказала:

– Кажется, началось!

– С чего ты взяла? – протирая глаза, спросил я.

– Периодические боли, – грамотно сказала жена. Она начиталась всякой популярной литературы и теоретически была подготовлена отлично.

– Где? – спросил я.

– Где! Где! – рассердилась жена. – Вот он сейчас как родится! Будешь знать. А ты в один трусах.

Это, действительно, был беспорядок. Не годится встречать своего собственного первенца в одних трусах. Поэтому я оделся и побежал звонить по автомату в «Скорую помощь».

– «Скорая» слушает, – сказал сонный женский голос.

– У нас роды, – часто дыша, сообщил я.

– Почему вы так решили?

– Есть некоторые признаки, – уклончиво ответил я.

– Роды первые?

– Первые! Первые! – радостно закивал я.

– Позвоните утром. Нечего горячку пороть, – суровым голосом сказала женщина и повесила трубку.

Я вернулся домой. Первенец еще не появился, но мог это сделать в любую минуту. Время от времени жене становилось плохо, а потом опять хорошо. Это сбивало с толку.

– Может быть, у тебя аппендицит? – высказал я предположение.

Жена уничтожающе на меня посмотрела, и я побежал за такси. На стоянке стояла машина, в которой спал шофер. Было неудобно его будить, но я разбудил. Шофер недовольно выслушал меня и сказал, что он уже однажды возил кого-то в родильный дом. Знает, чем это пахнет. Я все-таки настаивал, и мы в конце концов договорились. Машина подкатила к дому. Я побежал за женой. Была тайная надежда, что на этот раз она уже родила и, таким образом, все разрешилось само собою. Но было как раз наоборот. Жена чувствовала себя превосходно. Она заявила, что боли прошли и она хочет спать.

– А такси? – закричал я. – Человека разбудили!

Жена неохотно оделась, и мы вышли. Шофер снова спал. Проснувшись, он посмотрел на мою жену скептически и сообщил, что при родах обычно так весело не улыбаются. При родах, оказывается, принято орать. Жена сказала, что ей воспитание не позволяет орать ночью на улице. Шофер хмыкнул, и мы поехали.

Родильные дома ночью, слава Богу, работают. Мы нашли один и постучались. Шофер сказал, что он подождет, потому что неизвестно, чем это кончится. На стук вышла какая-то бабка в белом халате.

– И-и, милая! – замахала она руками на жену. – Езжай обратно. Через недельку приедешь.

– Вы что, врач? – спросил я.

– Я, папаша, тридцать семь годков на этом месте, – сказала бабка.

Я смутился. Главным образом из-за того, что меня называли папашей. Каковым я еще фактически не был.

Пришла откуда-то женщина-врач и тут же подтвердила бабкин диагноз. Она даже не выслушала жену трубочкой. Трубочки у нее просто не было.

Обманутые в лучших чувствах, мы снова сели в такси. Шофер почему-то смеялся. Видимо, от этого жене снова стало плохо. Она побелела и скрипнула зубами.

– Заворачивай назад! – крикнул я. – Есть у нас в городе приличный роддом или нет?

Шофер тоже скрипнул зубами, но повернул. Мы нашли еще один родильный дом. Там нас встретил молодой врач. Наверное, студент. Он положил руку на живот моей жене и сказал:

– Вы сначала забеременейте, как следует, а потом приезжайте.

Мы поехали беременеть как следует. Я был очень зол на первенца за его штучки. Все утро жена как ни в чем не бывало пела песни из кинофильмов. И вообще она вела себя очень безответственно.

– Слушай, может, у тебя рассасывается? – спросил я.

Но первенец не собирался рассасываться. Более того, вечером жена сказала, что нужно ехать опять.

– Ну, нет! Теперь меня не обманешь, – сказал я. – Подождем до утра.

И я ушел в кухню варить пельмени. Попутно я размышлял о непонятном коварстве нашего первенца. Через пять минут я услышал крик. Кричала жена. Я прибежал в комнату, где уже находилась соседка тетя Маша.

– Какой же ты отец? Разве можно жену до такого доводить?! – набросилась на меня тетя Маша.

– Я ее не доводил. Она сама хотела ребенка, – сказал я.

– Дурак! – сказала тетя Маша.

– Я побегу за машиной, – предложил я.

– Смотри, как бы не пришлось в машине принимать, – покачала головой тетя Маша.

Вы никогда не принимали роды? И не принимайте, не советую. Если вас попросят принять роды, отговоритесь как-нибудь. Придумайте себе самоотвод. Это занятие не для мужчин. Принимая роды, можно запросто свихнуться от обилия свежих впечатлений.

Слава Богу, я не принимал. Не успел. Вернее, первенец не успел появиться в машине. Он опоздал на несколько минут.

Наутро мне его показали в окошко. Это был очень маленький, очень сморщенный и красный первенец. Такого первенца я даже не ожидал. Вдобавок выяснилось, что он девочка.

– Теперь все понятно, – пробормотал я. – Мужчина не стал бы вести себя так непоследовательно. Мужчина при любых обстоятельствах остается мужчиной.

А что, разве не так?

Правый крайний

Мы играли в футбол с другой организацией. Все было честь честью – поле и ворота с сеткой. В воротах стоял Михаил Михайлович, доцент. Он только что из Парижа вернулся, с международного симпозиума. Как раз на матч успел.

Стоппером был наш ученый секретарь. Я никогда не видел ученого секретаря в трусах. Оказалось, у него мускулатура.

Меня поставили на правый край в нападение. Ты, говорят, только не мешайся. Как получишь мяч, беги по краю и подавай в центр. Там наши забивать будут.

Только судья свистнул, подбегает ко мне лысый старичок из команды противника. Левый защитник. Хочет меня опекать.

– Здравствуйте, – говорю. – Моя фамилия Верлухин. Будем знакомы.

– Трофимов, – говорит старичок и пытается шляпу приподнять. А шляпа у него за воротами осталась.

– Как вы думаете, – спрашиваю, – кто захватит инициативу? Вы или мы?

– Вы! – говорит Трофимов. – Вы ее захватите. У меня только просьба. Когда будете меня обыгрывать каскадом финтов, не очень брызгайтесь. У меня насморк.

И показывает на лужу. Как раз на нашем краю лужа неправильной формы, метров триста квадратных.

– Хорошо, – говорю я. – Буду выводить мяч из лужи. Вы меня поджидайте в той точке. Там у нас будет единоборство.

– А вы не собираетесь в центр перемещаться, чтобы запутать защиту? – спрашивает Трофимов.

– Нет, – отвечаю. – Мне и здесь хорошо.

Тут как раз мяч шлепается в лужу и плывет, подгоняемый ветром. Я его аккуратно вывожу в назначенную точку. Трофимов весь напряжился, переминается, собирается выполнить подкат.

Я протолкнул мяч вперед и побежал. Бегу, в ушах свистит. Еще раз мяч толкнул и упустил за лицевую линию. Стою, дышу.

Через минуту прибегает Трофимов. Дышит. Смотрит на меня с восхищением.

– Что было? – спрашивает. – Корнер или офсайт?

– Технический брак, – говорю.

Трофимов обиделся. Стал утверждать, что у него брака не было, а был недостаток скорости.

Отдыхались мы и опять пошли на исходную позицию, к луже. Но тут судья свистнул на перерыв.

После перерыва мы с Трофимовым встретились уже на другом краю. Пожали друг другу руки как друзья-соперники.

– Вот здесь уж поиграем! – говорит он. – Сухо и ровно.

Посмотрел я на него, и такая меня жалость взяла! Цвет лица у него неважный. Наверняка печенью страдает. На щеках склеротические жилки. И насморк еще, сам говорил.

Решил я его больше не обыгрывать, чтобы не добавлять ему неприятностей. Все равно инициатива в наших руках. Пускай будет видимость достойного сопротивления.

Дают мне мяч, я иду на сближение, медленно поднимаю ногу, чтобы Трофимов успел приловчиться, – и мяч уже в ауте.

Трофимов порозовел, трусит возле меня рысцой.

– Вы не огорчайтесь, – говорит, – это бывает.

Потом на нашем краю наступило затишье. Все стали играть у ворот Мих-Миха. Жаль, что его не видели парижские коллеги. Он два раза упал на мокрую землю. И вообще творил чудеса.

– Вы тут по стойте, – говорит Трофимов, – а я пойду немного в атаку подключусь. Извините.

И побежал вдаль. Я по его лысине слежу за событиями. Мяч навешивают на штрафную, свалка, мяч выскакивает, свалка, ученый секретарь сражается как лев, свалка, мяч навешивают...

Короче говоря, попадает он на лысину Трофимову, а оттуда в наши ворота. В верхний от вратаря нижний угол.

Начали с центра. Подбегает ко мне Трофимов, тихо светится, глаза скромно опустил. На лысине отпечаток мяча.

Думает, что я его поздравлять буду!

– Что же вы, – говорю, – лысый черт, меня подводите! Нехорошо это. Разве вас не устраивала боевая ничья?

Трофимов глазами сверкнул и говорит:

– Мы стремились только к победе!

В общем, не разглядел я его волевых качеств. Не учел бойцовский темперамент Трофимова. А мяча мне больше не дали.

На разборе игры шум стоял большой. Все кричали.

– Кто держал этого аса? Этого лысого! Он им всю игру сделал!

– Я держал! – говорю. – Я! Попробуйте, удержите его! Это же Бобби Чарльтон! Он мне сам рассказывал, что за сборную играл в тридцать восьмом году...

Тут все затихли и решили, что сыграли почетно.

Культурные ценности

Когда наступил юбилей знаменитого композитора, жена сказала, что пора мне приобщаться к культуре. Я так считаю, что на нее подействовал газетный бум.

Последний раз я приобщался к культуре на втором курсе института, когда ухаживал за вышеупомянутой женой. Только она тогда еще не была ею. В те времена мы ходили в кукольный театр и в кунсткамеру, от которой у меня навсегда осталось незабываемое впечатление. Примерно как от морга, хотя в морге я не был.

На этот раз жена взяла билеты в филармонию по два рубля штука. Я никогда не думал, что музыка такая дорогая вещь.

– Ты бы хоть просветился немного, – сказала жена. – Почитал бы что-нибудь перед этим, послушал пластинки...

– Нет ничего ценнее свежего взгляда, – сказал я. – Как в науке, так и в культуре. Я всецело за непосредственное восприятие.

Зал филармонии, если кто не был и не знает, это такой белый зал в центре нашего города, с колоннами и сценой без занавеса. Хороши люстры, в каждой из которых насчитывается по тридцать семь лампочек. Некоторые из них уже перегорели. Хрустальные побрякушечки я сосчитать не смог. Дошел до шестисот одиннадцати и сбился.

Билетов в тот вечер продали больше, чем было мест. Некоторые люди по бокам стояли, вытянув шеи. Мне их было жалко. Что ни говори, а это непорядок.

Когда публика расселась и съела конфеты, на сцену с двумя колоннами вышел оркестр. Без всякого объявления начали что-то играть, какую-то сложную музыку. И не очень громко. Потом выяснилось, что они настраивали инструменты. Между прочим, это можно делать и за кулисами.

Потом раздвинулись портьеры в глубине сцены и оттуда легкой походкой вышел дирижер во фраке и весьма приятной наружности, похожий на иранского принца и одесского жулика одновременно. Он поздоровался со старичком слева, у которого была скрипка, больше ни с кем. Вероятно, просто не было времени, нужно было начинать.

Дирижер сверкнул глазами в публику и отвернулся. Больше его лица в первом отделении я не видел. Некоторые зрители сидели наверху, над сценой. Они могли видеть его лицо. Наверное, билеты у них были подороже, я не знаю.

Начали играть, и играли минут пятнадцать. Когда кончили, я захопал, а все остальные зрители стали кашлять. В филармонии хлопать полагается в самом конце, а в середине полагается кашлять. Я понял, что ошибся, и в дальнейшем для верности только кашлял.

Надо сказать, что публика воспитанная. Никто не показывал на меня пальцем. Несколько дам тонко улыбнулись, вот и все.

Стали играть дальше, и играли еще полчаса. Я успел все сосчитать, включая колонны, а потом принялся разглядывать публику. Кое-кто спал, это я вам прямо скажу. Некоторые переживали, особенно старушки. Мужчины сидели тихо.

Когда закончили, дирижер поклонился и сразу ушел, как будто его вызвали к телефону. Я тоже хотел уйти, но все хлопали, не двигаясь с мест. Дирижер пришел, поклонился и опять поздоровался со старичком. Забыл он, что ли? После этого он снова ушел. Так продолжалось раз пять, причем музыканты стояли и от нечего делать похлопывали смычками по подставочкам для нот.

Наконец кто-то догадался дать дирижеру цветы, и больше он не появлялся. Можно было пойти в буфет.

В буфете продавали лимонад и конфеты. Пива не было. Мы пошли в фойе, где публика гуляла по кругу против часовой стрелки. Дамы пожирали друг друга глазами. Немного пожирала и меня, поскольку на мне был новый галстук.

Во втором отделении было то же самое, только с роялем. Снова здоровались, но теперь вариантов было больше. Сначала дирижер с пианистом, потом дирижер со старичком, а потом пианист со старичком. В конце опять долго вызывали дирижера, хотя мне показалось, что многие нервно нащупывают в кармане номерок гардероба. Я думал, что сыграют еще что-нибудь для души, но не сыграли. В гардеробе было тесно и совершенно не понять, где конец очереди. Однако ругались мало и очень вежливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.